

ГЕНДЕРНОЕ (НЕ)РАВЕНСТВО И АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ В РЕГИОНАХ СИБИРИ

Е.А. Фролова¹, В.А. Маланина², Е.И. Клемашева², Э.Р. Кашапова²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

² Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
9 сентября 2019 г.

Дата принятия в печать
1 ноября 2019 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Пожилые люди, неравенство, старение, гендер, активное долголетие, индекс активного долголетия, Сибирский федеральный округ, количественные методы оценки

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-410-700003 р_а 2019).

Аннотация. Предпринята попытка выявить причины и последствия гендерного разрыва среди пожилых людей в Сибирском федеральном округе. Для обработки первичных статистических данных о качестве жизни российских пожилых людей из Европейского социального исследования (ESS-2016) и Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ-2016) была применена методика индекса активного долголетия (AAI). Выявлены индикаторы гендерного неравенства среди пожилых людей в Сибири. Мужчины имеют в 1,3 раза более высокую трудовую занятость, в 1,13 раза более высокий средний доход, в 1,4 раза меньший риск бедности по сравнению с женщинами. Установлено, что в сферах физической активности и уровня образования гендерный разрыв отсутствует. Результаты свидетельствуют, что определяющим фактором формирования гендерного дисбаланса среди пожилых жителей сибирских регионов является низкая занятость женщин в возрасте старше 55 лет. Женщины в 3 раза более интенсивно включены в социальные связи по сравнению с мужчинами, но всего на 8 % интенсивнее мужчин вовлечены в заботу о детях и внуках. Наименьшими возможностями в сфере активного долголетия обладают жители Кемеровской, наибольшими – Новосибирской области. Единственным регионом Сибири, где отмечается гендерный разрыв в пользу женщин, является Республика Тыва. Таким образом, активное долголетие в регионах Сибирского федерального округа испытывает влияние гендерного неравенства, хотя в среднем разрыв между мужчинами и женщинами меньше, чем в странах Европейского Союза (2,12 процентных пункта против 3).

GENDER (IN)EQUALITY AND ACTIVE AGEING IN SIBERIAN REGIONS

E.A. Frolova¹, V.A. Malanina², E.I. Klemasheva², E.R. Kashapova²

¹ National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

² National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)

Article info

Received
September 9, 2019

Accepted
November 1, 2019

Type paper

Analytical paper

Keywords

Older adults, inequality, ageing, gender, active ageing, Active Ageing Index, Siberian Federal District, quantitative assessment methods

Abstract. In this article we aim to identify the origins and outcomes of the gender gap among older adults of Siberian Federal District of Russia. We apply the Active Ageing Index (AAI) methodology to process the data from European Social Survey (ESS-2016) and Comprehensive monitoring of living conditions (CMLC-2016) of the population with regard of Russian older adults' quality of life. We have identified the indicators of gender inequality among older adults in Siberia. Men are 1.3 times more employed, their income is on average 1.13 times higher, they have 1.4 times lower poverty risk compared to women. In spheres of physical activity and educational attainment we observe no gender gap. The results show that low employment among older women contributes most to the gender gap in Siberian regions. Women are three times more involved in participation in society compared to men. Counter-intuitively, women are only 8% more involved in providing care to children and grandchildren. The lowest potential for active ageing is indicated in Kemerovo region, the highest potential in Novosibirsk region. The only region with reverse gender gap in active ageing is the Republic of Tyva. Thus, the ageing process in Russia turns out to be gendered, although on average the gap is narrower than in European Union (2.12 vs 3 percentage points).

Acknowledgements. The research has been supported by Russian Foundation for Basic Research (project # 19-410-700003 r_a 2019).

1. Введение. В условиях растущей средней продолжительности жизни всё более актуальными для современного общества становятся вопросы обеспечения активного долголетия. Концепции активного (*active ageing*) и продуктивного (*productive ageing*) долголетия предполагают расширение ответственности представителей старшего поколения за сохранение и поддержание своего собственного благополучия. При этом сохраняется ответственность семьи, общества и государства за заботу о пожилых людях, не способных в силу состояния здоровья самостоятельно принимать решения.

На формирование индивидуальных стратегий активного долголетия влияет комплекс факторов. Возможности мужчин и женщин старшего поколения могут существенно варьироваться не только благодаря личностным особенностям, но и институциональным условиям, которые могут как способствовать, так и препятствовать активному долголетию. Вопросы гендерного неравенства актуальны в современных демографических и социологических исследованиях. Несмотря на существенные успехи стран мира в выравнивании юридического статуса представителей обоих полов и предоставления равных возможностей в сфере занятости, карьерного роста, политического участия, на практике гендерное неравенство сохраняется. С учетом общемировых тенденций роста средней продолжительности жизни представляется важным определить, становится ли возраст фактором, выравнивающим социальное и экономическое положение мужчин и женщин, и существуют ли гендерные различия в процессе старения.

2. Обзор литературы. Международные исследования неравенства среди пожилых людей сосредоточены преимущественно в сфере физического и психологического здоровья, которое является определяющим фактором качества жизни и активного долголетия. Определяющими аспектами качества жизни в пожилом возрасте могут являться не только тяжелые формы инвалидности, потеря мобильности или хронические заболевания. Медики, геронтологи и социологи активно исследуют корреляции между качеством жизни и потерей зубов, снижением остроты зрения, курением, употреблением алкоголя и наркотиков, ожирением среди пожилых людей. Важными факторами, влияющими на состояние физического и психического здоровья пожилых людей,

становятся также доступ к медицинским и стоматологическим услугам, особенности района проживания (доступная и безопасная среда, хорошие отношения с соседями).

Тем не менее состояние здоровья – далеко не единственный параметр, формирующий предпосылки возникновения неравенства в процессе старения. Гендерное неравенство в активном долголетии становится предметом научных исследований в разных странах, причем выявленное неравенство часто объясняется национальным менталитетом в отношении социальных ролей мужчин и женщин и спецификой пенсионных систем, часто не учитывающих гендерные особенности жизненного курса (*lifecourse*). Исследования показывают, что пожилые женщины чаще получают помощь, в том числе финансовую, от своих взрослых детей, чем пожилые мужчины [1]. Во многих развивающихся странах неравенство полов «работает» не в пользу женщин в течение всей жизни, и разрыв в социально-экономическом положении по сравнению с мужчинами становится критичным в пожилом возрасте, когда его уже поздно компенсировать или сглаживать. Например, в Индии качество жизни пожилых женщин существенно ниже, поскольку они более подвержены хроническим болезням, чаще мужчин бывают неграмотны и, как следствие, имеют сравнительно низкий доход [2]. Похожие результаты демонстрируют страны Южной Европы, где женщины пожилого возраста раньше и в более серьезных формах, чем мужчины, сталкиваются с функциональными ограничениями здоровья и мобильности, что сокращает возможности занятости и снижает уровень их доходов, увеличивая риск бедности [3].

В странах Европейского Союза уровень бедности в возрасте старше 65 лет среди мужчин составляет 16 %, для женщин – 23 %, что объясняется прежде всего перерывами в занятости у женщин в связи с рождением детей и уходом за ними [4]. Дизайн современных пенсионных систем в некоторых странах постепенно меняется в сторону признания периодов ухода за детьми временем, учитываемым в качестве трудового стажа или приравненным к таковому. Опасения относительно материального благополучия и стабильности пенсионных выплат влияют на психологическое состояние пожилых женщин сильнее, чем мужчин; при этом представители обоих полов в равной степени считают потенциальную потерю автоно-

мии самым серьезным риском старения [5]. Необходимость заботы о детях и пожилых, хоть и считается фактором активного долголетия, но не всегда положительно отражается на качестве жизни представителей старшего поколения, осуществляющих эту заботу. В развивающихся странах именно в сфере неформального ухода за другими людьми гендерный дисбаланс проявляется отчетливее всего – мужчины заняты на рынке труда, женщины в неоплачиваемой работе по хозяйству и уходу [6]. Масштабные исследования возрастных когорт (50–96 лет, 24 440 участников) в 14 европейских странах подтвердили, что социально-экономическое неблагополучие в детском возрасте коррелирует с плохим здоровьем пожилых женщин, в то время как мужчины успевают компенсировать эффекты бедности в детстве в течение жизни за счет непрерывной трудовой деятельности [7].

Исследования на основе почти пятидесяти тысячной выборки респондентов из 17 стран Европы подтвердили, что наличие гендерного разрыва в социально-экономическом положении ведет к разнице в уровне физической активности между пожилыми мужчинами и женщинами не в пользу последних [8]. Разумеется, существуют стратегии поведения, дающие положительный эффект как для мужчин, так и для женщин, в частности действия по подготовке к вхождению в пожилой возраст, включающие формирование финансовой подушки безопасности, инвестиции в улучшение жилищ-

ных условий, получение дополнительного образования [9].

3. Цели и методы исследования. Цель настоящего исследования – выявить наличие и параметры гендерного разрыва в процессе активного долголетия в регионах Сибирского федерального округа и возможности его сглаживания. Расчеты основаны на методике индекса активного долголетия (*Active Ageing Index, AAI*), предложенного Европейской комиссией ООН [10] по социально-экономическому развитию и широко применяющегося для оценки процессов старения населения в странах Европы и за ее пределами. Индекс включает четыре домена (ключевых сферы) феномена активного долголетия, объединяющих 22 индикатора. Индикаторы позволяют количественно представить уровень либо какой-либо активности пожилого человека (занятости, волонтерства, занятий спортом, вовлеченности в общение, оказание помощи другим), либо его обеспеченности теми или иными ресурсами для активного долголетия (финансовое, жилищное и материальное положение, получение медицинской помощи). Также среди индикаторов присутствуют оценки качества жизни уже не конкретного респондента или группы респондентов, сформированные на основе социологических опросов, а макроэкономические оценки ожидаемой продолжительности жизни и доли лет здоровой жизни для страны или региона в целом (рис. 1).

Индекс активного долголетия			
Занятость	Участие в жизни общества	Независимая, здоровая и безопасная жизнь	Возможности для активного и здорового долголетия
1.1. Занятость (55–59 лет)	2.1. Добровольческая деятельность	3.1. Физическая активность	4.1. Относительная ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 55 лет
1.2. Занятость (60–64 года)	2.2. Забота о детях и внуках	3.2. Отсутствие неудовлетворенных потребностей в медицинской и стоматологической помощи	4.2. Доля здоровой жизни в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 55 лет
1.3. Занятость (65–69 лет)	2.3. Забота о пожилых	3.3. Независимое проживание	4.3. Психологическое благополучие
1.4. Занятость (70–74 года)	2.4. Политическое участие	3.4. Относительный средний доход	4.4. Использование ИКТ
		3.5. Отсутствие риска бедности	4.5. Социальные связи
		3.6. Отсутствие материальной депривации	4.6. Уровень образования
		3.7. Физическая безопасность	
		3.8. Обучение в течение жизни	

Рис. 1. Структура индекса активного долголетия

Fig. 1. Structure of active ageing index

Применение методики индекса активного долголетия в европейских странах позволило в 2008 г. установить наличие гендерного разрыва в пользу мужчин в процессе старения даже для стран с высоким уровнем жизни¹. В докладе Еврокомиссии 2018 г. отмечается, что гендерный разрыв в среднем по странам Европейского Союза за десять лет сократился с 4,6 до 3,0 п.п. Тем не менее в шести странах – Люксембурге, Венгрии, Мальте, Нидерландах, Австрии и Португалии – гендерный разрыв увеличился за счет того, что при общем росте значений *AAI* возможности активного долголетия для мужчин расширились в большей степени, чем для женщин. Соответственно, для сокращения гендерного разрыва в активном долголетии необходимо формировать институциональные условия для опережающего роста значений индикаторов долголетия для женщин, в чем Европейский Союз уже добился значительных успехов в части выравнивания уровня образования, представительства в органах власти и доходов обоих полов.

В России трансфер лиц предпенсионного и пенсионного возрастов в сферу услуг, предположительно более толерантную к возрасту и здоровью работников, оценивается экспертами неоднозначно. Судя по данным *AAI* для Сибирского федерального округа, он в меньшей степени затрагивает сельскохозяйственные и промышленные регионы, поскольку состояние здоровья старшего поколения с большим стажем работы в сельском хозяйстве часто не позволяет продолжать трудовую деятельность.

4. Результаты исследования. Исходные данные для расчета индекса активного долголетия для России частично содержатся в базах данных Европейского социального исследования (*European Social Survey, ESS-2016*)², недостающие данные и прокси-индикаторы взяты из Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ-2016)³. Проведенные авторами расчеты индекса активного долголетия для России [11] и регионов Сибири [12] указывают на наличие серьезного гендерного разрыва между представителями старшего поколения по ряду параметров (таб.).

**Значения индекса активного долголетия для мужчин и женщин
регионов Сибирского федерального округа**

Active ageing index values for men and women of the Siberian Federal district regions

Регион	Занятость		Участие в жизни общества		Независимая и безопасная жизнь		Возможности активного долголетия		Итоговый индекс активного долголетия	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Сибирский федеральный округ	25,31	19,84	16,09	17,41	61,95	52,9	5,52	51,7	30,79	28,67
Алтайский край	26,67	14,06	16,39	17,81	61,86	55,42	51,37	52,41	31,53	27,18
Забайкальский край	24,56	15,07	19,24	20,46	56,31	47,41	48,98	50,42	30,76	27,26
Иркутская область	25,66	21,34	14,88	18,31	59,00	50,52	51,20	52,10	30,33	29,35
Кемеровская область	22,15	17,81	15,77	15,85	62,43	48,20	51,20	51,39	29,76	26,88
Красноярский край	26,79	21,62	15,16	16,38	62,80	55,57	50,84	52,19	31,13	29,30
Новосибирская область	31,48	25,08	14,59	15,93	64,40	57,78	51,89	52,98	32,94	30,73
Омская область	27,26	16,89	13,86	14,84	63,56	55,56	50,74	51,93	30,90	27,05
Республика Алтай	22,12	20,58	20,68	19,37	65,13	53,53	50,00	51,13	31,49	29,56
Республика Бурятия	24,24	16,43	14,29	17,16	68,75	60,00	50,34	52,12	30,43	28,18
Республика Тыва	20,29	29,59	15,26	18,93	58,14	49,73	47,10	48,93	27,68	31,74
Республика Хакасия	22,31	19,77	19,32	17,59	58,40	48,62	50,89	51,67	30,59	28,27
Томская область	30,19	19,83	13,65	16,24	62,62	52,50	51,67	53,15	31,94	28,51

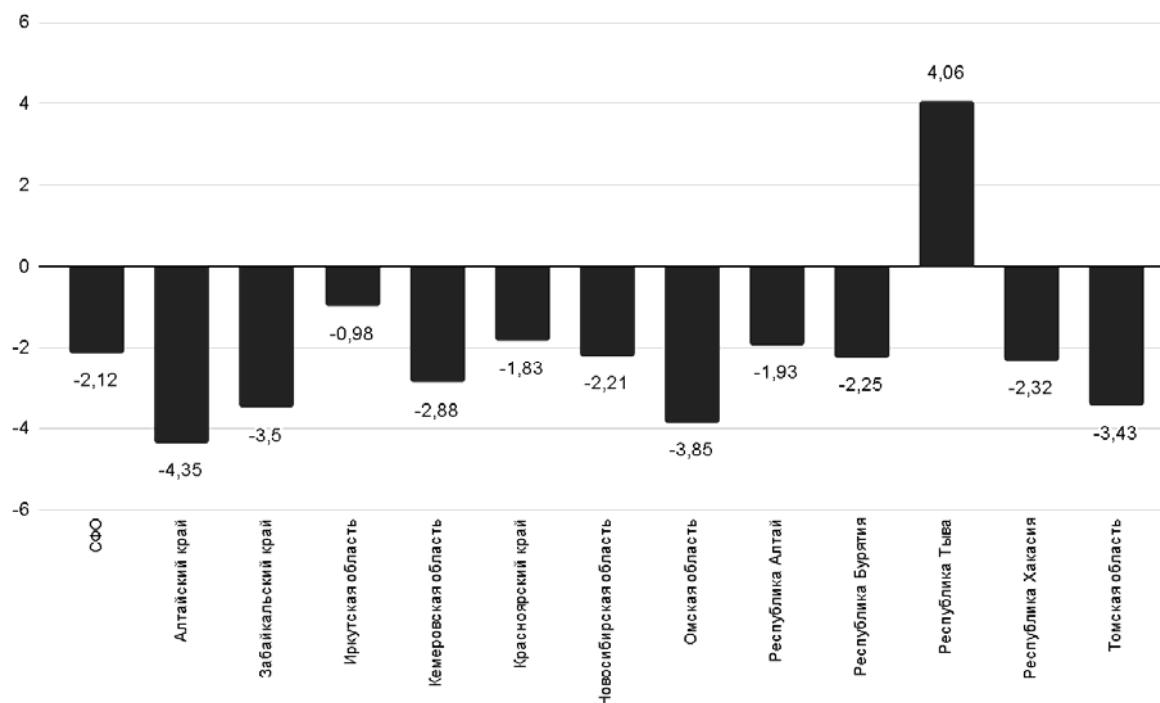
Проведенные расчеты показали наличие гендерного разрыва в процессе активного долголетия для пожилых людей регионов Сибирского федерального округа. Определяющими доменами формирования данного разрыва являются «Занятость» и «Участие в жизни об-

щества». Каждый из них, согласно методике индекса активного долголетия, имеет вес 0,35 в итоговом значении индекса *AAI*. В вышеуказанных доменах гендерный дисбаланс имеет свою направленность: в сфере занятости во всех макрорегионах (за исключением Респуб-

лики Тыва) он формируется в пользу мужчин; в сфере участия в жизни общества – в пользу женщин (за исключением республик Алтай и Хакасия). Третий домен – «Независимая и безопасная жизнь» – демонстрирует наличие у мужчин существенно более широких возможностей, поскольку гендерный разрыв в данном домене в среднем по Сибири составляет 9 п.п. В итоговом индексе активного долголетия указанные диспропорции несколько сглаживаются за счет невысокого веса третьего домена в интегрированном значении индекса *AAI* (0,1). Источниками формирования гендерного разрыва в третьем домене являются преимущественно индикаторы материального благополучия, в сфере которого в большинстве регионов женщины уступают мужчинам. В частности, по относительному среднему доходу разрыв в среднем составил порядка 10 п.п. По указанному параметру, однако, есть и регионы-исключения: в Алтайском крае и Новосибирской области небольшой гендерный разрыв по доходам у пожилых людей сформировался в пользу женщин.

Второй индикатор материального благополучия, вносящий вклад в гендерный разрыв, – отсутствие риска бедности, – рассчитываемый

как процент пожилых людей старше 65 лет, имеющих доходы выше 50 % от среднего уровня доходов по стране или региону. Средние значения по регионам Сибирского федерального округа составили 64 % для женщин и почти 91 % для мужчин, что, как уже упоминалось ранее, связано с высокой относительной трудовой занятостью мужчин. Критический разрыв в отсутствии риска бедности выявлен в Кемеровской области, где доходы 94 % мужчин позволяют исключить их из числа нуждающихся, в то время как среди женщин только порядка 26 % имеют достаточный уровень доходов, позволяющий исключить риск бедности. В четвертом домене – «Возможности активного долголетия» – с весом 0,2, напротив, выявлен небольшой гендерный разрыв в пользу женщин – в среднем чуть более 1 п.п. Итоговые значения индекса активного долголетия демонстрируют гендерный разрыв в пользу мужчин, с единственным исключением – Республика Тыва. В среднем по Сибири индекс активного долголетия выше для мужчин на 2,12 п.п. (рис. 2), минимальные гендерные различия в пользу мужчин наблюдаются в Иркутской области (0,98 п.п.), максимальные – в Алтайском крае (4,35 п.п.).

Рис. 2. Гендерный разрыв в значениях интегрированного индекса активного долголетия в регионах Сибирского федерального округа по состоянию на 2016 г. (отрицательные значения – преимущество мужчин)

Fig. 2. Gender gap in the values of the integrated index of active ageing in the regions of the Siberian Federal district in 2016 (negative values-the advantage of men)

Расчеты позволяют подтвердить, что в целом по Сибири мужчины в большей степени используют потенциал активного долголетия, существенного разрыва между мужчинами в разных сибирских регионах не наблюдается, за исключением Республики Тыва. В отношении женщин можно утверждать то же самое: критической разницы между женщинами, проживающими в разных макрорегионах, нет, а Республика Тыва, где значение *AAL* для женщин на 4 п.п. выше, чем у мужчин, также становится исключением из общего тренда. Формирование гендерного разрыва часто объясняется исследователями различием в социально-экономических ролях мужчин и женщин. С наступлением пожилого возраста мужчины продолжают быть в большей степени вовлечены в оплачиваемую занятость (в том числе и по причине более позднего официального пенсионного возраста), в то время как женщины – в неоплачиваемую заботу о других. Данные по сибирским регионам тем не менее частично опровергают сложившиеся гендерные стереотипы. Разница в уровне занятости между мужчинами и женщинами действительно достигает двух раз для категории 55–59 лет, т. е. для периода, когда мужчины (в 2016 г.) еще не выходили на пенсию. В более поздних возрастах уровень занятости обоих полов практически выравнивается. Среди регионов Сибирского федерального округа только в Республике Тыва занятость женщин во всех возрастах, кроме 70–74 лет, опережает занятость мужчин. Тывинский гендерный феномен в домене «Занятость» может объясняться значительной долей негородского населения в республике (около 50 %), сельскохозяйственной ориентацией региона и высокой занятостью женщин именно в сфере сельского хозяйства. Трудовая и нетрудовая занятость являются компонентами активного долголетия, количественно описывая уровень активности пожилого человека. Взаимосвязь качества жизни и занятости necessarily демонстрируют положительную корреляцию. Занятость может быть вынужденной в случае отсутствия достаточного пенсионного обеспечения, низкооплачиваемой, соответственно, значительная доля работающих пожилых людей не обязательно свидетельствует о комфортном для них долголетии. Забота о других может в равной степени повышать или снижать уровень благополучия лица, осу-

ществляющего заботу, поскольку она требует как минимум временных и психологических затрат.

В домене «Участие в жизни общества» во всех сибирских регионах женщины опережают мужчин. Однако, гендерный разрыв здесь не настолько существенный, как можно было бы ожидать, опираясь на типичные представления о большей вовлеченности женщин в заботу о детях, внуках и пожилых родственниках. По двум индикаторам домена из четырех различий практически не наблюдается: и мужчины и женщины в сибирских регионах имеют нулевые значения по индикатору участия в политической жизни и относительно низкий уровень участия в волонтерской деятельности (мужчины в среднем 1 %, женщины – около 2 %). В сфере заботы о детях и внуках женщины опережают мужчин, но всего на 2–3 п.п. Республика Алтай стала единственным регионом, продемонстрировавшим, во-первых, очень высокий уровень заботы о детях со стороны пожилых людей (56–60 %); во-вторых, большую вовлеченность в заботу со стороны мужчин. Значения индикатора «Оказание помощи другим пожилым и недееспособным людям» составило в среднем 5 % у мужчин и 6,7 % у женщин в Сибирском федеральном округе, что также не дает оснований говорить о критическом гендерном разрыве. Нетипичной на этом фоне представляется ситуация в Республике Тыва, где 8,82 % женщин помогают другим пожилым людям, что является самым высоким значением по всем регионам, однако тывинские мужчины не оказывают такой помощи совсем.

5. Выводы. Проведенное исследование качества жизни и возможностей активного долголетия пожилых людей в сибирских регионах позволяет сделать вывод о наличии гендерного разрыва в пользу мужчин, что совпадает с общемировой тенденцией. Использование методики индекса активного долголетия позволило определить конкретные домены и индикаторы, формирующие этот разрыв. В сфере занятости и независимого и безопасного проживания пожилые мужчины существенно опережают женщин, уступая им в сфере участия в жизни общества. Одновременно с этим серьезного гендерного разрыва в сфере возможностей активного долголетия нет. Соответственно, нельзя утверждать, что для регионов Сибирского федерального округа характерно глубоко-

кое, непреодолимое гендерное неравенство среди пожилых людей. Гендерный разрыв в сибирских регионах в среднем меньше (2,12 п.п.), чем в странах Европейского Союза (3 п.п.). Однако, активное долголетие в регионах Сибири по-прежнему несет отпечаток сложившихся социальных ролей мужчин и женщин. Результаты исследования выявили конкретные индикаторы, по которым женщины находятся в зоне риска в процессе активного долголетия, прежде всего это более низкие по сравнению с мужчинами доходы и занятость. С точки зрения региональной и национальной экономи-

ческой политики указанные сферы вполне доступны для улучшающих изменений.

Примечания

¹ UNECE / European Commission 2018 Active Ageing Index: Analytical Report. URL: https://www.unecce.org/fileadmin/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/Stakeholder_Meeting/ACTIVE_AGEING_INDEX_TRENDS_2008-2016_web_cover_reduced.pdf.

² European Social Survey (ESS). URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/>.

³ Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html.

Литература

1. Jang S. N., Kawachi I. Care inequality: care received according to gender, marital status, and socioeconomic status among Korean older adults with disability // *International Journal for Equity in Health*. – 2019. – Vol. 18. – Art. 105. – DOI: 10.1186/s12939-019-1008-0.
2. Socioeconomic inequality in functional deficiencies and chronic diseases among older Indian adults: a sex-stratified cross-sectional decomposition analysis / L. Singh et al. // *BMJ OPEN*. – 2019. – Vol. 9, Iss. 2. – Art. e022787. – DOI: 10.1136/bmjopen-2018-022787.
3. Serrano-Alarcon M., Perelman J. Ageing under unequal circumstances: a cross-sectional analysis of the gender and socioeconomic patterning of functional limitations among the Southern European elderly // *International Journal for Equity in Health*. – 2017. – Vol. 16. – Art. 175. – DOI: 10.1186/s12939-017-0673-0.
4. Vlachantoni A. Financial inequality and gender in older people // *Maturitas*. – 2012. – № 72 (2). – P. 104–107. – DOI: 10.1016/j.maturitas.2012.02.015.
5. Craciun C., Flick U. Aging in precarious times: Exploring the role of gender in shaping views on aging // *Journal of Women & Aging*. – 2016. – № 28 (6). – P. 530–539. – DOI: 10.1080/08952841.2016.1223896.
6. Faur E., Pereyra F. Caring for children and the elderly in Argentina: A grammar of class and gender inequalities // *Womens Studies International Forum*. – 2019. – № 7. – P. 25–31. – DOI: 10.1016/j.wsif.2018.11.004.
7. Childhood socioeconomic circumstances and disability trajectories in older men and women: a European cohort study / A. Landos et al. // *European Journal of Public Health*. – 2019. – № 29 (1). – P. 50–58. – DOI: 10.1093/eurpub/cky166.
8. Activity limitation in elderly people in the European context of gender inequality: a multilevel approach / A. L. B. De Lima et al. // *Ciencia & saude coletiva*. – 2018. – № 23 (9). – P. 2991–3000. – DOI: 10.1590/1413-81232018239.20662016.
9. Pothisiri W., Quashie N. T. Preparations for Old Age and Well-Being in Later Life in Thailand: Gender Matters? // *Journal of Applied Gerontology*. – 2018. – № 37 (6). – P. 783–810. – DOI: 10.1177/0733464816649281.
10. Barslund M., Von Werder M., Zaidi A. Inequality in active ageing: evidence from a new individual-level index for European countries // *Ageing & Society*. – 2019. – № 39 (3). – P. 541–567. – DOI: 10.1017/S0144686X17001052.
11. Active Ageing Index: a Russian Study / G. Barysheva et al. // *Building Evidence for Active Ageing Policies* / Eds. A. Zaidi et al. – Singapore : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 409–435. – DOI: 10.1007/978-981-10-6017-5_19.
12. Оценка активного долголетия в Сибирском Федеральном округе на основе методики Индекса активного долголетия / Е. А. Фролова и др. // *Векторы благополучия: экономика и социум*. – 2019. – № 2 (33). – С. 36–45. – DOI: 10.18799/24056537/2019/2(33)/973.

References

1. Jang S.N., Kawachi I. Care inequality: care received according to gender, marital status, and socioeconomic status among Korean older adults with disability. *International Journal for Equity in Health*, 2019, Vol. 18, art. 105. DOI: 10.1186/s12939-019-1008-0.
2. Singh L., Goel R., Rai R.K., Singh P.K. Socioeconomic inequality in functional deficiencies and chronic diseases among older Indian adults: a sex-stratified cross-sectional decomposition analysis. *BMJ OPEN*, 2019, Vol. 9, iss. 2, art. e022787. DOI: 10.1136/bmjopen-2018-022787.
3. Serrano-Alarcon M., Perelman J. Ageing under unequal circumstances: a cross-sectional analysis of the gender and socioeconomic patterning of functional limitations among the Southern European elderly. *International Journal for Equity in Health*, 2017, Vol. 16, art. 175. DOI: 10.1186/s12939-017-0673-0.
4. Vlachantoni A. Financial inequality and gender in older people. *Maturitas*, 2012, no. 72(2), pp. 104-107. DOI: 10.1016/j.maturitas.2012.02.015.
5. Craciun C., Flick U. Aging in precarious times: Exploring the role of gender in shaping views on aging. *Journal of Women & Aging*, 2016, no. 28(6), pp. 530-539. DOI: 10.1080/08952841.2016.1223896.
6. Faur E., Pereyra F. Caring for children and the elderly in Argentina: A grammar of class and gender inequalities. *Womens Studies International Forum*, 2019, no. 7, pp. 25-31. DOI: 10.1016/j.wsif.2018.11.004.
7. Landos A., von Arx M., Cheval B., Sieber S., Kliegel M., Gabriel R., Orsholits D., van der Linden B., Linden B., Blane D., Boisgontier M. Childhood socioeconomic circumstances and disability trajectories in older men and women: a European cohort study. *European Journal of Public Health*, 2019, no. 29(1), pp. 50-58. DOI: 10.1093/eurpub/cky166.
8. De Lima A.L.B., Espelt A., de Lima K.C., Bosque-Prous M. Activity limitation in elderly people in the European context of gender inequality: a multilevel approach. *Ciencia & saude coletiva*, 2018, no. 23(9), pp. 2991-3000. DOI: 10.1590/1413-81232018239.20662016.
9. Pothisiri W., Quashie N.T. Preparations for Old Age and Well-Being in Later Life in Thailand: Gender Matters? *Journal of Applied Gerontology*, 2018, no. 37(6), pp. 783-810. DOI: 10.1177/0733464816649281.
10. Barslund M., Von Werder M., Zaidi A. Inequality in active ageing: evidence from a new individual-level index for European countries. *Ageing & Society*, 2019, no. 39(3), pp. 541-567. DOI: 10.1017/S0144686X17001052.
11. Barysheva G., Frolova E., Malanina V., Taran E. Active Ageing Index: a Russian Study, in: Zaidi A., Harper S., Howse K., Lamura G., Perek-Bialas J. (Eds.) *Building Evidence for Active Ageing Policies*, Singapore, Palgrave Macmillan publ., 2018, pp. 409-435. DOI: 10.1007/978-981-10-6017-5_19.
12. Frolova E.A., Kashapova E.R., Klemasheva E.I., Malanina V.A. Active ageing assessment for Siberian Federal district based on active ageing index methodology. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2019, no. 2 (33), pp. 36-45. DOI: 10.18799/24056537/2019/2(33)/973. (in Russian).

Сведения об авторах

Фролова Елена Александровна – д-р экон. наук,
 профессор кафедры экономики
 Адрес для корреспонденции: 634050, Россия, Томск,
 пр. Ленина, 36
 E-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru
 РИНЦ SPIN-код: 5328-3063
 ORCID: 0000-0002-9440-0173

Маланина Вероника Анатольевна – канд. экон. наук,
 доцент отделения социально-гуманитарных наук
 Адрес для корреспонденции: 634050, Россия, Томск,
 пр. Ленина, 30
 E-mail: milanskaya@mail.ru
 РИНЦ SPIN-код: 3631-8400
 ORCID: 0000-0001-7331-0358

About the authors

Elena A. Frolova – Doctor of Economic Sciences, Pro-
 fessor of the Department of Economics
 Postal address: 36, Lenina pr., 634050, Tomsk, Russia
 E-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru
 RSCI SPIN-code: 5328-3063
 ORCID: 0000-0002-9440-0173

Veronika A. Malanina – PhD in Economic Sciences,
 Associate Professor of the Department of Social and Hu-
 manitarian Sciences
 Postal address: 30, Lenina pr., 634050, Tomsk, Russia
 E-mail: milanskaya@mail.ru
 RSCI SPIN-code: 3631-8400
 ORCID: 0000-0001-7331-0358

Клемашева Елена Игоревна – канд. экон. наук, лаборант Международной научно-образовательной лаборатории технологий улучшения благополучия пожилых людей

Адрес для корреспонденции: 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 30

E-mail: klemaha@mail.ru

РИНЦ SPIN-код: 5432-8140

Кашапова Эльмира Рамисовна – лаборант Международной научно-образовательной лаборатории технологий улучшения благополучия пожилых людей

Адрес для корреспонденции: 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 30

E-mail: elmira6280@yandex.ru

РИНЦ SPIN-код: 7778-4930

ORCID: 0000-0002-5447-3941

Elena I. Klemasheva – PhD in Economic Sciences, laboratory assistant of the International Scientific Educational Laboratory for the Improvement of Wellbeing Technologies of Older Adults

Postal address: 30, Lenina pr., 634050, Tomsk, Russia

E-mail: klemaha@mail.ru

RSCI SPIN-code: 5432-8140

Elmira R. Kashapova – laboratory assistant of the International Scientific Educational Laboratory for the Improvement of Wellbeing Technologies of Older Adults

Postal address: 30, Lenina pr., 634050, Tomsk, Russia

E-mail: elmira6280@yandex.ru

RSCI SPIN-code: 7778-4930

ORCID: 0000-0002-5447-3941

Для цитирования

Фролова Е. А., Маланина В. А., Клемашева Е. И., Кашапова Э. Р. Гендерное (не)равенство и активное долголетие в регионах Сибири // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Экономика». – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 156–164. – DOI: 10.24147/1812-3988.2019.17(4).156-164.

For citations

Frolova E.A., Malanina V.A., Klemasheva E.I., Kashapova E.R. Gender (in)equality and active ageing in Siberian regions. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2019, Vol. 17, no. 4, pp. 156-164. DOI: 10.24147/1812-3988.2019.17(4).156-164. (in Russian).